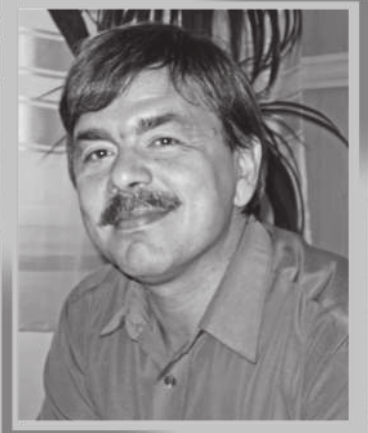

Алексей Бельмасов

г. Ленинск-Кузнецкий

Вечер во вселенной

(поэма)

1

Зажигает город витрины
на проспектах и площадях,
словно выходы
аварийные
оставляет день, уходя.
Или розовые коктейли
предлагает звездным полям
город мой –
большая котельная
на горбу у планеты Земля.

2

Время – вечер.
Пора дурмана.
И зигзагами,
не по прямой,
с оттопыренными карманами
бизнесмены спешат домой.
Фонари пыхтят на обочине,
лишь о том меж собой говоря,
что еще один выпал
рабочий день

3

из авоськи календаря.
А в квартирах,
на нервах играя,
мощным баннером растянул
первый телеканал на экране
окровавленную
простыню.

Я на вечер смотрю,
как на варево,
где с романтикой мрак закатан,
49 лет отоваривал
сам себя я
тоской заката.
Каждый вечер в городе Ленина
наблюдал я с печалью,
как
тишина опускает колени
на
городских
дворов
облака.
А на утро
в советском гимне
я с восторгом на ноты
не лез,
потому что ночами в мозги мне
набивались
звезды
с небес.
Я глухими бродил коридорами
философий, где дух раздет,
и стихи
с вечерними шторами
отправлял
на поля
газет.

Бельмасов Алексей Михайлович родился 1 января 1959 года в г. Гурьевске Кемеровской области. Скончался 1 февраля 2013 года. Окончил СПТУ-38 в Ленинске-Кузнецком (1978). Работал электрослесарем на шахте, руководителем духового оркестра в клубе «Горномонтажник», редактором литературной газеты «ЛИК».

Автор книг «Жалей, не жалей...», «Зябкий сюжет», «Словицы», «Книга смеха», «Досье на бога», «Белые стихи – книга 1», «Белые стихи – книга 2», «Буквы бессмертия», «Метасловарь – книга 1», «Я живу на окраине солнца». Член Союза писателей России.

4

Время – вечер. Пора дурмана.
Шум проспекта слегка остыл.

На себя

костюмы

туманные

надевают углы и кусты.

Прутья неба не то чтобы ломки,

но под тяжестью звезд

звенят,

и огромным

черным

обломком

ближний космос

летит

в меня.

5

Знать бы мне,

что буду болеть я

этой бездной,

рождающей страх,

что обдумывать буду

столетья

и искать себя в разных мирах.

Что, не веря ни в бога, ни в дьявола,

буду звездным гореть огнем

и пространство считать –

дырявым,

находя

коридоры

в нем.

6

Небо

ломится

в наши

квартиры

и вселенский врубает душ,

потому что мы –

граждане мира,

а не граждане – раскладушек.

И на «ты» ли, на «вы» ли знаться

меж собою нам –

все равно,

мы – обычная цивилизация,

заселившая

свой

район.

7

Улучив момент подходящий,

вечер-дворник

от всех дверей

отмечает

след

уходящего дня

желтым веником фонарей.

И, как будто бы отмечая,

появление старой Луны

все заботы наши случайные

он бросает

в костер

тишины.

8

Не грустите, граждане города,

сбавьте громкости

тут и там,

пусть вечерние

черные

голуби

на карнизы слетаются к нам.

И приносят нам вести дальние

с самых тайных

звездных полян,

нам,

прописанным в мироздании

на манжетах

планеты

Земля.

9

Словно бисер,

за фразой фразу

выводя золотым пером,

двадцать первый век мне рассказы-

вает

о грядущем –

о двадцать втором.

Видно, русский освоил здорово:

без помарок и суеты,
пишет прям на бархатных шторах
надвигающейся темноты.
Там – в грядущем – другие улицы
режут город мой и прямят,
и дома другие сутулятся,
и другие деревья шумят.
Все другое там:
 в пестрый занавес
разукрашен там каждый квартал...
Только люди вот – те же самые,
поменяли лишь паспорта.
К одному я,
освоившись, видимо,
в лоб с вопросом
 и без затей:
– Гражданин,
 вы меня не видели
в вашем веке
 среди людей?
Посмотрел на меня он вежливо
и –
 как холодом за воротник:
– Да, гуляете
 в черной одежде вы
по страницам
собственных
книг.
А живого себя вы встретите,
выбирайте,
в любом из нас...
Так другое столетье ответило
мне
в сегодняшнем
здесь и сейчас.

10

Ветер в клены ложится спать ли
или ищет,
где очень темно,
но утих он, и звезды спятили –
лезут в комнату через окно.
Понабились,
 дышать стало нечем,
отодвинули скуки валун,
и остались мы – я и вечер,
и вселенная
 на полу.

Сжаты звезды, сжато пространство,
тьма вселенной сжата и свет,
на полу у меня
 не абстрактно
сжаты сто миллиардов лет.
И над всей этой пылью цветочной
показалось мне вдруг на миг,
что весь мир
 превращается в точку,
из которой
когда-то
возник.
И от радости ли, от горя ли,
где изогнуты вдрызг,
 где прямы,
повылазили
 кости
 истории
из-под снега света и тьмы.

11

Вот я в прошлом:
 с космическим ветром
жизнь стремится себя же
обрести,
ни меня еще нет,
ни планеты,
есть лишь пыль,
 в которой мы есть.
Замурован вместе с котельными
в ту же самую пыль город мой,
и за шагом шаг,
 как растение,
мы из бездны растем мировой.

12

У проспекта шумы закончились ли
или громкости он поменял,
но за окнами стало не громче,
чем в аквариуме
у меня.
Город вывесил люстры
 черные,
и дома,
 каждый тих и суров,
засыпают,
похожие

в чем-то
на развалины старых миров.
Или будущих?
...друг за другом,
проступающих
из темноты,
тех миров,
где ни войн,
ни ругани,
и на звездах
растут
цветы...

13

Было тихо, совсем уже тихо,
только вдруг из колонок-систем
у соседей
музыка вспыхнула
и полезла
сквозь кожу
стен.
– Эй, ребята!
Кончайте жарить вы
атмосферы соседних квартир!
...Не услышали,
переезжают
с громкой музыкой
в завтрашний мир...

